

проверить достоверность этой информации в настоящее время почти невозможно. Во всяком случае, современная наука не располагает сколько-нибудь достоверными сведениями, позволяющими выяснить подлинные обстоятельства гибели малолетних принцев¹⁷.

Тем не менее никто из новейших комментаторов Мора или исследователей политической истории Англии конца XV в. еще не смог мало-мальски убедительно подвергнуть сомнению историческую достоверность сообщения Мора о судьбе детей Эдуарда IV. Напротив, и современные хроники, а отчасти и новейшие исследования в значительной мере подтверждают версию об убийстве принцев по приказу Ричарда III и даже принимают в качестве наиболее приемлемой датировку этого печального события, предлагаемую в «Истории Ричарда» Мора.

Рассказ Мора о судьбе принцев написан особенно впечатляюще, и не только из-за чудовищности самого преступления детоубийства, но особенно благодаря великолепному литературному дарованию автора «Истории Ричарда», который сдержанно, но с огромной силой и драматизмом передает историю этого политического преступления и его последствий для всех имевших к нему касательство. Каждый из участников этого преступления, начиная с организатора убийства Ричарда III и кончая простыми исполнителями, которых Мор поименно называет, окончил свою жизнь насильственной смертью — либо на поле брани, как Ричард, либо на эшафоте. За все время правления Ричарду сопутствовали «величайшие заботы и волнения, безмерный страх, страдания и печаль в душе...ум его ни на миг не оставался в спокойствии, он нигде не чувствовал себя в безопасности»¹⁸.

В «Истории Ричарда» отразился гуманистический подход Мора к проблеме личности, его интерес к человеческой индивидуальности, глубокое проникновение в психологию героя — будь то король, принц или всего лишь обыкновенный человек, волей случая вовлеченный в политические события своего времени. При всей тенденциозности в обрисовке характеров «добротого государя» Эдуарда IV и «властолюбивого тирана» Ричарда III Мору удается убедительно показать сложность и одновременно цельность этих людей. Их поступки определены не только политической ситуацией, в которой они действуют, но также и индивидуальной психологией каждого.

Даже злодей Ричард, в моральном облике которого «все черно, как смола», — отнюдь не мелкая личность. Это смелый военачальник, «больше расположенный к войне, чем к миру»; ему нельзя отказать в политической мудрости, его не упрекнешь в недостатке мужества. Он обладает большой волей и настойчивостью в достижении поставленной цели. Он энергичен, скрытен, большой дипломат и лицемер, умеющий прекрасно использовать человеческие слабости. Непомерное честолюбие и жажда власти составляют основу характера Ричарда. Да, он жесток и безжалостен, но, объясняет Мор, «не всегда из-за

¹⁷ S. B. Chrimes. *Lancastrians, Yorkists and Henry VII*. New York, 1966, p. 137; E. F. Jacob. *The Fifteenth Century*. Oxford, 1961, p. 624.

¹⁸ «The Complete Works of St. Thomas More», vol. 2, p. 88.